

A man with a backpack is walking away on a path in a city during autumn. The path is lined with trees with vibrant orange and red leaves. In the background, there are multi-story brick buildings and a modern apartment complex. A drone is flying overhead, and many leaves are falling from the sky. The overall scene is a mix of nature and urban life.

Белгородские рассказы – 2

Гоча Пасиешвили

Гоча Пасиешвили

Белгородские рассказы – 2

<https://litres.ru/73849769>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычное утро в Белгороде. Человек собирается на работу. За окнами — тревоги, дроны, взрывы, но жизнь идёт своим чередом: квитанции за квартиру, картошка к ужину, сантехник для водителя, свидание молодого коллеги, форма на физру для сына. Между девятью тревогами и десятками сбитых беспилотников Иван успевает помочь старушке с сумкой, успокоить будущего отца, посоветовать ресторан и пообещать привезти картошку. Но когда рабочий день заканчивается и над городом снова объявляют чистое небо, судьба готовит последний, необъявленный удар. Короткий, страшный и будничныи — как строчка в вечерних новостях.

Содержание

Глава 1	5
В настоящее время над городом чистое небо!	16
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	42
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гоча Пасиешвили
Белгородские рассказы – 2

Глава 1

НАД ГОРОД ЧИСТЕ НЕБО.

Белгород, 07:30

Я встаю. Будильник не ставил — привык просыпаться в одно и то же время, даже если тревога была ночью. На кухне пахнет вчерашним борщом. На холодильнике — магнитик с кривой надписью «Папа, я тебя люблю», дочка налепила в прошлом году. На столе — квитанция за квартиру. Срок послезавтра. «Надо успеть», — думаю я, намазывая масло на хлеб. Коммуналка в этом месяце вышла на тысячу больше — отопление включили. Зарплату задерживают вторую неделю. Жена ещё спит. Вчера она легла в час ночи — проверяла у старшего уроки. Дистанционка, мать её. Дети не в школу, сидят дома. Младшая в третьем классе, старший в седьмом. Оба на удалёнке, оба требуют внимания. Я пишу записку и кладу на тумбочку у кровати: «Заплати за свет, я вечером привезу картошку. И позвони в школу — у Саша завтра контрольная по математике, пусть пришлют задания». Одеваюсь. В прихожей — два рюкзака, детские, сменка. Вспоминаю, что старшему нужна новая форма на физру, старая уже мала. Надо в субботу съездить на рынок. Выхожу. На лестничной клетке соседка, тётя Люба, выносит мусор.

— Георгий, доброе утро. Ты бы посмотрел батарею у меня

— еле тёплая.

— Посмотрю, тётъ Люба, на неделе.

Спускаюсь. Сажусь в «Логан». Завожу.

Белгород, 07:44

Приходит сообщение от Информационного центра:

— Внимание! Крутой лог! Займите безопасные места! В вашу сторону летит борт!

— Вот чёрт, — говорю я вслух. Торможу у обочины. Смотрю на небо — чистое. Значит, далеко. Звоню первому водителю, Алексею. Он должен быть на загрузке в 8:00.

— Лёха, ты где? Тревога, Крутой Лог.

— Георгич, я на заправке. Стою в очереди. Тут мужики говорят, дрон сбили уже. А ты кстати, помнишь, я просил сантехника? У меня унитаз течёт вторую неделю, жена пилит. — Нашёл я тебе сантехника. Дядя Витя, с соседнего двора. Недорого берёт, рублей пятьсот за вызов.

— О, отлично! Запиши номер. А то жена вчера сказала: «Если не починишь, буду в ведро ходить».

Смеюсь. Записываю номер в телефон.

— Давай, Лёха, как отбой — сразу на загрузку. Жду.

— Понял.

Белгород, 08:10

— Отбой по ранее объявленным тревогам. Над городом чистое небо.

Въезжаю на территорию завода. Охранник Семёныч от-

крывает ворота, кивает.

— Опять, — говорит.

— Опять, — отвечаю. — Семёныч, у тебя дочка в садик ходит? Там путёвки на следующий год запись, говорят, в пятницу.

— Да знаю, — он чешет затылок. — Жена уже три дня дозвониться не может. — Попробуй через «Госуслуги», я так записал. Алексей уже на рампе, выгнал белую фуру. Хлопаем по рукам.

— Ну что, заряжаем? — спрашивает.

— Заряжаем. Первая партия: тестомесилка, две ротационные печи, делитель. В обрешётке. — Ты вчера дочке день рождения отметил?

— Отметил. — он улыбается. — Пять лет ей. Подарил велик. Она с утра на нём по коридору гоняет, соседи снизу уже стучат.

Миша, кладовщик, подгоняет вилочник. Первый поддон заезжает в кузов.

— Миш, — говорю я, — ты сегодня в кино собрался?

— Да, — он улыбается. — Таня уговорил. На «Чебурашку» пойдём. Билеты уже взял, на семь вечера.

— Счастливый. У меня с женой последний раз свидание было три месяца назад.

Белгород, 09:00

Загрузили половину. Динамики:

— Внимание! Нечаевка! Макаренко! Займите безопасные

места! В вашем направлении движется ударный БПЛА!

— Твою мать, — ругается Алексей. — Опять?

— В подвал, — команду я. Бежим. По пути встречаем тётю Зину из бухгалтерии. Она волочит тяжёлую сумку.

— Давайте помогу, — говорю, забираю сумку. В подвале уже человек десять. Садимся. Тётя Зина достаёт телефон, смотрит что-то.

— Георгий, — говорит она, — вы в интернете не видели, где кефир сейчас дешевле? В «Пятёрочке» подорожал, а в «Магните» говорят акция.

— В «Магните», тётъ Зин. Я вчера брал, 55 рублей литр.

— Спасибо, милый. Молодой водитель Саша (с соседнего предприятия) трясётся в углу. — Саш, — говорю, — у тебя что?

— Да у меня жена на седьмом месяце, — шепчет он.

— Я боюсь, если со мной что... она одна останется.

— Не бойся, — говорю. — Все будет хорошо. Ты в декретном отпуске будешь сидеть, пелёнки менять. Это страшнее дронов.

Кто-то смеётся. Саша чуть успокаивается. Хлопки где-то далеко.

Отбой в 09:25. Возвращаемся.

Белгород, 09:55

Первая фура готова. Накладные подписаны.

— Лёха, по телефону каждые два часа. Мост в Каменске перекрыт, объезд через Ячнево. — Понял. Георгич, а ты сан-

технику моему позвони? Пусть завтра после обеда придёт.

— Позвоню.

— Ну всё, погнал. Дети ждут — обещал привезти им мандаринов. Фура уезжает. Белгород, 10:15

Возвращаюсь в бытовку. Только сел чай попить — динамик:

— Внимание! База отдыха «Маяк». Никольская. Корочанская! Займите безопасные места. В вашем направлении движется ударный БПЛА.

— Иди ты, — говорю, но иду в подвал.

На этот раз с нами Миша (кладовщик). Он нервничает.

— Георгич, а если мы до семи не закончим? Я Таню подведу.

— Закончим. Ты билеты на какой сеанс взял?

— На семь двадцать.

— Успеешь. Главное — дронам не дай себя отвлечь. Он улыбается.

Взрыв — близко, стёкла дребезжат. Потом тишина.

Отбой в 10:45. Выхожу. На асфальте осколки. Миша смотрит на небо.

— Жить будем, — говорит.

Белгород, 11:00

Петрович, подсобник, заходит с перевязанной рукой.

— Что с тобой?

— Да побежал, упал, об угол стола рассек. В медпункте перевязали.

— Смотри, не запусти рану.

— Хорошо. Георгич, у тебя машина не продаётся? Сын права получил, надо что-то бюджетное.

— Думай. Мой «Логан» продавать пока не собираюсь. Но у знакомого есть «Приора», недорого.

— Дай телефон.

Даю.

Белгород, 11:30

— Внимание! Крутой лог! Нечаевка! Займите безопасные места! В вашу сторону летит борт!

Иду в подвал. В подвале тётя Зина уже не про кефир, а уже про соль: «Георгий, говорят, соль подорожает. Надо закупить?»

— Не надо, тётя Зин. Это паника.

Она успокаивается. Грохот — соседний цех. Дым.

Отбой в 11:55.

Белгород, 12:00

Приезжает Сергей на синей «Скании». Вылезает, уставший.

— Георгич, привет. Не спится мне что-то. Вчера всю ночь тревоги, а у меня сегодня ребёнка из садика забирать — жена в ночную смену.

— Заберёшь. Успеешь. Давай грузиться. Вторая партия: туннельная печь, две тестомесилки, столы.

Пока грузим, он рассказывает:

— Представляешь, вчера звонок от риелтора. Квартиру,

которую мы смотрели, продали. А у нас ипотека одобрена, ищем уже три месяца.

— Найдёте. Рынок есть рынок.

— Да я уже устал. Каждые выходные по объявлениям.

Белгород, 12:30

— Внимание! Пуляевка, Пристенъ, Топлинка, Корноуха!

Всем занять безопасные места. В вашу сторону летит ударный БПЛА. Остановите движение, пройдите в укрытие.

— Четыре деревни, — говорит Сергей. — Людям там несладко. В подвале тесно. Кто-то звонит жене, говорит «всё нормально». Кто-то обсуждает, где купить сахар по акции. Сергей сидит рядом, листает ленту в телефоне.

— Георгич, ты видел, «Ашан» скидки на детскую одежду?

У меня дочке куртка нужна.

— Видел. Я старшему форму на физру ищу. Если найдёшь

что-то, скинь ссылку.

— Скину. Взрывы с трёх сторон. Осколки по крыше.

Отбой в 13:15.

Белгород, 13:30

Вторая фура готова.

— Серёга, будь на телефоне.

— Понял. Георгич, ты квартиру не смотрел? В Юго-Западном районе?

— Смотрел. Дорого сейчас. Ты лучше в Харьковской горе смотри, там дешевле.

— Почему?

— Обстреливают чаще. Уезжает.

Белгород, 14:00

— Внимание! Нечаевка! База отдыха «Маяк»! Михайловское шоссе! Займите безопасные места!

Я уже не бегу. В подвале встречаю тётю Зину как родную. Она плачет.

— Что случилось?

— Сын звонил, с фронта. Говорит, всё нормально. А я всё равно плачу.

Сажусь рядом. Молчу. Иногда молчание лучше слов.

Отбой в 14:30.

Белгород, 15:00

— Внимание! Крутой лог! Пуляевка! Займите безопасные места! В вашу сторону летит борт!

Иду в подвал. На этот раз долго не дают отбой. Сидим. Петрович рассказывает анекдот про Вовочку. Смеёмся нервно.

Отбой в 15:40.

Белгород, 16:00

Приезжает Николай. Молодой, лет двадцать пять. Фура серая, старенькая.

— Георгич, извините, пробка на мосту — воронку закапывали.

— Бывает, Коля. Давай грузиться. Он мнётся.

— Георгич, я хотел спросить... У меня в субботу свидание. Девушка есть одна. Куда бы вы посоветовали сходить?

— В «Пражку» сходите, на Соборной. Там недорого и уютно.

— А цветы? Какие цветы?

— Тюльпаны, Коля. Женщины любят тюльпаны.

Он улыбается.

Белгород, 16:15

— Внимание! Топлинка, Корноуха, Никольская, Макаренко! Всем занять безопасные места! В вашу сторону летит ударный БПЛА!

Николай смотрит испуганно.

— Бежим, — говорю. В подвале он садится рядом со мной.

— Георгич, а страшно?

— Страшно. Но жить надо. Ты свидание не отменяй из-за этого.

— Не отменю.

Взрывы. Два.

16:50. Внимание! Отбой по ранее объявленным тревогам.

Над городом чистое небо.

Белгород, 16:50 — 17:20

Загружаем последнюю машину. Я уже устал. Николай помогает затягивать тент.

— Коля, накладные. 700 км. По телефону сообщать каждые два часа.

— Спасибо, Георгич. А вы завтра на работу?

— Завтра выходной. Сына на секцию повезу, потом кар-

тошку куплю, как обещал жене.

— Хорошего отдыха.

Фура уезжает в 17:25.

Белгород, 17:30

Стою на крыльце. Солнце садится. Звоню жене.

— Всё, — говорю. — Три машины ушли. Сейчас домой.

— Картошку не забудь, — говорит она. — И молоко у нас кончилось.

— Заеду в «Пятёрочку».

— Осторожнее. Столько тревог было.

— Были. Но сейчас отбой. Я скоро. Кладу трубку.

Белгород, 17:45

Выхожу с территории завода. Сажусь в «Логан». Вспоминаю, что надо ещё заехать за картошкой на рынок. Рынок работает до семи, успеваю. Еду. В машине играет радио — какой-то старый хит. Звонит Алексей:

— Георгич, я подъезжаю к Воронежу. Всё нормально. Ты сантехнику позвонил?

— Позвонил. Завтра в три придёт.

— Спасибо, командир.

Белгород, 17:52

Подъезжаю к рынку. Паркуюсь. Захожу на рынок. Беру мешок картошки — десять килограмм. Ещё покупаю зелень, помидоры. Плачу. Продавец, женщина в платке, даёт сдачу.

— Осторожнее там, — говорит, кивая в сторону неба.

— Спасибо, вы тоже. Выхожу. Несу картошку к машине.

Белгород, 18:00

Складываю картошку в багажник. Сажусь за руль. И тут динамик на столбе:

— Внимание! Центр, Мичурина, Попова ! Займите безопасные места! В вашу сторону летит ударный БПЛА!

Попова— это здесь. Рядом.

— Да ладно, — говорю я. Завожу машину. Хочу уехать....

Белгород, 21:00. Вечерний выпуск новостей, канал ВГТРК «Россия 1» Диктор (ровным, без эмоциональным голосом):

\— Добрый вечер. Сегодня зафиксировано девять атак беспилотных летательных аппаратов на территорию Белгорода и Белгородского района. Силами ПВО и средствами радиоэлектронной борьбы уничтожено несколько десятков дронов. К сожалению, есть погибшие. В результате попадания осколка БПЛА на улице Попова, погиб мужчина. Личность установлена. Это Иван Георгиевич Самохвалов, 1982 года рождения, сотрудник одного из местных предприятий. Приносим соболезнования родным и близким.

В настоящее время над городом чистое небо!

Белгород 2026

Глава 2

"РАЗ, ДВА, ТРИ..."

Детство

Денис Ковалёв родился в Белгороде, в семье егеря и медсестры. Отец, Владимир Ковалёв, был человеком суровым, немногословным. Он уходил на рассвете и возвращался затемно, пахнувший пороховом, болотной водой и сосновой хвоей.

— Пап, возьми меня с собой, — просил маленький Денис.

— Вырастешь — возьму, — отвечал отец и гладил сына по голове шершавой ладонью.

Мать, Надежда Петровна, работала в районной поликлинике. Она была из тех женщин, которые всё время устают — от работы, от дома, от мужа, от жизни. Денис слышал, как она плакала по ночам, когда думала, что он спит.

— Не родила бы тебя, — шептала она, — ушла бы давно.

Денис делал вид, что не слышит.

В школе он учился средне — не отличник, не двоечник. Сидел на последней парте, рисовал на полях тетрадей солдатиков и танки. Друзей не было. Не то чтобы его не любили — просто не замечали. Как мебель. Как стул или парта.

— Ковалёв, к доске, — вызывала учительница.

Он шёл, решал у доски, получал тройку и возвращался на место. Всё. Никто не хлопал его по плечу, не звал гулять после уроков, не делился бутербродом на перемене.

Однажды, в пятом классе, он пришёл в школу с новой курткой — тёмно-синей, с молнией, подарок отца. Одноклассники заметили, и Денис обрадовался — наконец-то его увидели.

— Ковалёв, дай померить, — попросил Коротков, главный задира класса.

Денис дал. Коротков надел куртку, повертелся перед зеркалом.

— Ну, как? — спросил Денис.

— Нормально, — сказал Коротков и ушёл в коридор.

Денис ждал. Пять минут, десять, пятнадцать. Пошёл искать. Нашёл Короткова в туалете — тот стоял с компанией таких же громких пацанов. Куртки на нём не было.

— Где моя куртка? — спросил Денис.

— Не знаю, — усмехнулся Коротков. — Сам потерял.

Они рассмеялись. Все, кроме Дениса. Он обошёл школу, заглянул в каждый класс, в столовую, в раздевалку. Куртка нашлась на втором этаже — она висела на батарее, грязная, с приклеенной жевачкой на рукаве.

Денис отодрал жвачку, надел куртку и пошёл домой. Ничего не сказал учителям. Ничего не сказал родителям. Просто больше никому ничего не давал.

Юность.

В старших классах Денис вытянулся, окреп, голос сломался и стал низким, взрослым. Девочки обращали на него внимание — но как-то странно. Сначала улыбались, потом отводили глаза.

— Ковалёв странный, — слышал он однажды в коридоре. — Он смотрит, но не говорит.

«Потому что не о чем, — думал Денис. — Что я им скажу? Что люблю сидеть на крыше гаража и смотреть на закат? Что умею различать следы зайца и лисы?»

Они бы не поняли.

В десятом классе к ним перевелась новенькая — Ира, худенькая, с веснушками и длинной косой. Денису она понравилась сразу. Он пытался с ней заговорить несколько раз: на перемене спросил про домашнее задание, в столовой уступил место, на физкультуре подал мяч.

Ира вежливо улыбалась — той улыбкой, которой улыбаются незнакомцам в лифте. Короткой. Ничего не значащей.

Однажды Денис написал ей записку. Простую: «Ты красивая. Может, сходим в кино?». Подошёл к парте во время перемены, когда рядом никого не было, и молча положил на учебник.

Ира прочитала. Подняла глаза. Улыбнулась — другой улыбкой, настоящей.

— Приходи завтра к восьми, я буду ждать у фонтана, — сказала она.

Денис кивнул и ушёл, не веря своему счастью.

На следующий день он пришёл к фонтану за пятнадцать минут. Ира не пришла. Через час не пришла. Через два.

Денис стоял и ждал. Как учил отец: терпение, зверь сам придёт. Но зверь не пришёл.

В понедельник в школе он увидел Иру — она шла по коридору в обнимку с Коротковым. Тем самым, который украл куртку. Они смеялись. Увидев Дениса, Ира быстро отвернулась, а Коротков подмигнул и сказал:

— Извини, Ковалёв, она моя.

— Я понял, — сказал Денис и пошёл дальше.

Он никогда больше не заговаривал с девушками первым.

Взрослая жизнь.

После школы Денис пошёл в ПТУ, получил специальность автослесаря. Устроился на автобазу — ремонтировать грузовики. Работа была грязной, тяжёлой, платили мало.

— Ковалёв, ты чего копаешься? — орал мастер. — Быстрее давай!

Денис работал быстрее. Мастер всё равно был недоволен. Всегда был недоволен.

— У тебя руки из жопы растут, — говорил он. — Ты вообще умеешь что-то делать?

— Умею, — отвечал Денис спокойно.

— Не похоже.

Сменщики не любили его. Не то чтобы откровенно ненавидели — так, чуть-чуть. Не звали отмечать получку, не за-

нимали денег до зарплаты, не делились новостями.

— Ковалёв какой-то не такой, — слышал он однажды из курилки. — Смотрит волком.

«А вы бы улыбались? — думал Денис. — Вас бы каждый день называли тупым, ваши руки — кривыми, вашу работу — дерьмом».

Он терпел. Терпел два года, три, четыре. На пятую зарплату купил себе новый набор инструментов — немецкий, дорогой. Пришёл на работу, поставил в мастерскую.

— Ого, Ковалёв разбогател, — усмехнулся мастер. — Не украли ещё?

— Не украли, — ответил Денис.

Через неделю инструментов не стало. Исчезли, как сквозь землю провалились. Денис написал заявление на имя директора, но директор только руками развёл:

— Кто ж его брал? Ты сам, наверное, потерял. Нечего на работе свои вещи приносить.

Денис уволился.

Он устроился в частное охранное предприятие. Смена — двенадцать часов. Стоять у входа в супермаркет, смотреть, как люди тащат продукты, разговаривают по телефону, смеются, ссорятся.

— Улыбайтесь, Ковалёв, — говорил начальник охраны. — Вы лицо магазина.

— Я охранник, — отвечал Денис. — Моё лицо не должно радовать. Оно должно пугать.

— Вот и пугает, — хмыкнул начальник.

Денис стоял у входа и смотрел. Люди проходили мимо — и каждый считал своим долгом сделать замечание. Пожилая женщина с тележкой: «Вы бы хоть поздоровались». Мужчина с пивом: «Чего вылупился, как баран?». Девушка с ребёнком: «У него лицо такое недоброе, сыночек, не смотри на дядю».

«Недоброе, — думал Денис. — А вы бы какое сделали, если бы на вас так смотрели?»

Однажды он задержал воришку — парня лет двадцати, который пытался утащить бутылку дорогого вина. Денис взял его за руку, вывел из магазина, передал полиции.

— Спасибо вам, — сказала продавщица, та, что работала за кассой. — Вы настоящий герой.

Денис почувствовал тепло в груди. Он улыбнулся.

На следующий день он пришёл на работу — продавщица его не узнала. Или сделала вид.

— Здравствуйте, — сказал Денис.

— Здравствуйте, — ответила она вежливо, тем же тоном, которым здоровалась со всеми. И пошла дальше.

Тепло погасло.

Через месяц его уволили. Причина — «грубое обращение с посетителями». Денис не грубил. Он просто взял за воротник парня, который пытался пройти без очереди. Парень написал жалобу.

— Это клиент, Ковалёв, — объяснял начальник. — Кли-

ент всегда прав.

— Он нахамил, — сказал Денис.

— А вы улыбнулись? Нет. Вы взяли его за воротник.

Клиент был прав. Денис был уволен.

Потом была работа в баре. Там хотя бы не было этих дурацких правил про улыбку. Там можно было быть собой — мрачным, неразговорчивым, спокойным.

— Твоя задача, Ковалёв, — объяснял хозяин бара, — чтобы никто не буянил. Если кто буянит — в шею.

Денис кивал. Он стоял у входа, скрестив руки на груди, и смотрел. Пьяные компании, разгорячённые танцами девушки, парни, которые пытались казаться круче, чем есть.

Один такой подошёл к нему в первом часу ночи, с расстёгнутой рубашкой и наглой ухмылкой:

— Слышь, братан, ты чё такой злой? Улыбнись, я тебе сто баксов дам.

— Уходи, — сказал Денис.

— Да ладно тебе, — парень полез обниматься. — Мы ж свои, братан.

Денис взял его за шкурку, как котёнка, и вывел на улицу. Легко, почти нежно.

— Не приходи больше, — сказал он и закрыл дверь.

Через неделю парень пришёл с тремя друзьями. Они ждали Дениса после смены у выхода на заднем дворе.

— Помнишь меня? — спросил парень, поигрывая битой.

— Нет, — сказал Денис.

Они напали вчетвером. Денис отбивался как умел — сломал одному нос, выбил биту, ударил ещё одного. Но трое против одного — это много. Его избили. Сильно. Сломали два ребра, рассекли бровь.

В баре он больше не работал. Хозяин сказал, что они «засветились», что полиция будет проверять, что лучше Денису уйти по-хорошему.

Денис ушёл.

С Леной он познакомился на остановке. Она стояла под дождём без зонта, промокшая, злая, и материла погоду крепкими словами. Денис стоял рядом — в капюшоне, с зонтом в руке, но не открывал его.

— У тебя есть зонт, — сказала Лена. — Идиот.

Денис подумал секунду и раскрыл зонт над их головами.

— Спасибо, — буркнула Лена.

Так и началось. Она оказалась продавщицей в обувном магазине. Говорила громко, смеялась заразительно, материлась как сапожник, но была добрая — иногда, когда никто не видел.

Они съехались через три месяца. Лена бросила свою комнату в общежитии и переехала к Денису в однушку на Спутнике.

Сначала было хорошо. Она готовила борщ (не очень вкусный, но старалась), мыла полы по субботам, смотрела с ним фильмы, прижавшись к плечу.

— Ты хороший, Денис, — сказала она однажды. — Про-

сто тебе не везёт.

— Везёт, — ответил он. — Мне с тобой везёт.

Лена улыбнулась. Поцеловала в щёку.

Потом она нашла новую работу — в торговом центре, продавцом в отделе косметики. Зарплата была больше, коллектив — веселее. Она стала чаще задерживаться, приходиться уставшая, раздражённая.

— Что случилось? — спросил Денис.

— Ничего, — отвечала Лена. — Работа.

Но Денис чувствовал: что-то меняется. Она смотрела на него по-другому. Теми же глазами, которыми смотрели все остальные.

— Денис, — сказала она однажды вечером. — А ты вообще собираешься что-то делать со своей жизнью?

— Что значит — делать?

— Ну, работать нормально. Зарабатывать. У тебя же золотые руки, ты всёчинишь. Почему ты не устроишься куда-нибудь прилично?

— Я устроен, — сказал Денис. Он работал тогда на автозаправке — ночная смена, копейки.

— Копейки, — вздохнула Лена. — Ты не понимаешь. Мне тридцать скоро. Я хочу семью, детей, квартиру. А ты...

Она не договорила, но Денис понял.

Он стал чаще пить. Не напивался — так, немного, чтобы успокоить мысли. Лене не нравилось.

— Ты похож на своего отца, — сказала она однажды

утром, глядя на пустую бутылку.

Денис промолчал.

День рождения.

Лена спросила, собирается ли он что-то делать на годовщину.

— Конечно, — сказал Денис. — Я куплю подарок.

— Какой?

— Сюрприз.

Он пошёл в универмаг — большой, светлый, с хорошим выбором. Долго ходил по отделам, не зная, что выбрать. Зашёл в женскую одежду.

— Вам помочь? — спросила продавщица. Лет пятидесяти, в очках.

— Да, — обрадовался Денис. — Подарок девушке. Годовщина.

— Какой у неё размер?

— Не знаю.

Продавщица поджала губы.

— А что она любит? Цвета? Фасоны?

— Она любит удобное, — неуверенно сказал Денис. — Чтобы не жалось.

— Это все любят, — усмехнулась продавщица.

Денис ходил по рядам, трогал ткани, смотрел на ценники. Дорого. Всё дорого. У него с собой было три тысячи — Лены деньги, которые она просила положить на карту.

— Может, что-то с распродажи? — спросил он, подходя

к продавщице.

Она вздохнула с явным облегчением — наконец-то этот неловкий покупатель уйдёт в другой отдел.

— Вон там, — махнула она в сторону стеллажа.

На распродаже было всё некрасивое — мятое, странных фасонов, с какими-то блёстками. Денис растерянно перебирал вешалки.

— Долго ещё? — раздался голос за спиной.

Охранник. Молодой, накачанный, с переговоркой на ухе. Смотрел на Дениса как на мусор, который застрял в мусоропроводе.

— Я выбираю, — сказал Денис.

— Час уже выбираешь, — охранник усмехнулся. — Или бери, или вали.

Денис почувствовал, как к лицу приливает кровь. Ему было тридцать четыре года, а какой-то малолетний качок позволял себе с ним так разговариваться.

— Я уйду, когда выберу, — сказал Денис ровно.

— Ну-ну, — охранник хлопнул его по плечу. — Торопись, дедушка.

Продавщица хихикнула. Покупатели, стоящие рядом, отвернулись — но один мужчина, пожилой, в дорогом пальто, посмотрел на Дениса с тем же выражением: «ты тут лишний».

Денис положил вешалку на стеллаж и вышел из магазина.

Лена сидела на кухне — в его старой футболке, с кружкой

чая. Вся такая домашняя, расслабленная, тёплая.

— Где подарок? — спросила она. Не сердито, скорее любопытно.

— Не купил, — сказал Денис.

— Почему?

— Потому что не нашёл ничего подходящего.

Лена помолчала. Посмотрела на него. Денис уже знал этот взгляд — изучающий, оценивающий, холодный.

— Денис, — сказала она. — Ты меня вообще любишь?

— Люблю, — ответил он. И в этот раз не соврал.

— Не похоже, — Лена встала, поставила кружку в раковину. — Я ухожу к маме.

— Как хочешь.

— Ты даже не пытаешься меня удержать, — сказала она с удивлением и обидой одновременно.

— Я не умею, — честно ответил Денис.

— Не умеешь. И никогда не умел.

Лена собрала вещи — быстро, зло, бросая одежду в сумку. У двери обернулась.

— Ты хороший человек, Денис. Просто с тобой тяжело.

Ты какой-то... не от мира сего. Тебе бы к психологу сходить.

— Зачем? — спросил Денис.

— Чтобы понять, почему тебя никто не любит, — сказала

Лена и вышла.

Дверь хлопнула.

Денис сидел на кухне и смотрел в стену.

«Почему тебя никто не любит».

Он вспомнил отца. Тот не любил — нет, он был просто занят. Мать? Мать не любила всех — не только сына. Одноклассники? Они не замечали. Учителя? Они ставили тройки. Мастер на автобазе? Он орал. Начальник охраны в супермаркете? Уволил. Хозяин бара? Выгнал.

Лена ушла.

Он никому не был нужен.

Денис встал, подошёл к окну. Внизу горел фонарь, у фонаря стояла скамейка — на ней сидела парочка. Парень обнимал девушку, что-то шептал ей на ухо, она смеялась.

«Им хорошо, — подумал Денис. — Они нужны друг другу».

А он никому.

Он подумал о завтрашнем дне. О том, что надо встать, поехать в гараж — отцовский карабин лежал в сейфе. Просто забрать. Продать? Нет, продавать нельзя — оружие незаконно. Оставить себе? Зачем? Он никогда не любил охоту.

— Зачем? — спросил он пустую комнату.

Комната не ответила.

Он лёг спать в двенадцать. Спал плохо, ворочался, видел обрывки снов — белую фату на ветру, смех, цветы, чей-то голос: «Раз, два...».

Проснулся в три ночи, сел на кровати.

— Я больше не хочу быть никому не нужным, — сказал он тихо.

И сам испугался своих слов.

Решение.

Денис встал, умылся, оделся в чистое — тёмные джинсы, серая футболка, ветровка. Вышел из дома. Сел в отцовскую «Ниву», завёл двигатель.

Поехал в гараж. Зачем — он и сам не знал. Просто ехал.

Гаражный кооператив «Луч» встретил его тишиной и запахом мазута. Денис открыл замок, зашёл внутрь, откинул брезент с сейфа. Сейф был открыт — он не закрыл его в прошлый раз. Внутри лежал карабин.

Денис взял его в руки. Ствол был холодным, гладким, приклад пах отцом.

— Здравствуй, — сказал он карабину.

Он зарядил один магазин. Два. Положил патроны в карман. Зачем? Сам не понимал. Просто делал — руки сами делали, без команды.

Затем он сел в машину и поехал в центр.

Соборная площадь.

Денис припарковался у фонтана. Выходить не хотелось. Он сидел в машине, смотрел на людей, на голубей, на детей с мороженым. Солнце светило ярко. Хороший день.

Потом он увидел свадьбу.

Белое платье, фата, гости в нарядных костюмах. Фотограф прыгал вокруг пары, кричал:

— Давайте ближе к парапету! Тень падает красиво! Милана, фату отбросьте ветром! Раз, два...

Все смеялись. Невеста улыбалась жениху. Жених обнимал невесту. Рядом стояла старушка с караваем — большим, румяным, в вышитом полотенце.

«Их любят, — подумал Денис. — Они нужны. У них есть семья, друзья, будущее».

А у него ничего.

Ничего. Никого.

Он вышел из машины. Карабин остался на заднем сиденье — Денис не брал его, просто вышел. Постоял минуту. Потом вернулся, взял карабин — он не знал зачем. Просто взял.

Пошёл к площади.

Люди не замечали его. Все смотрели на молодожёнов. Фотограф крикнул:

— ...и-и-и-и-и, поехали! Снимаю!

Денис подошёл ближе. Кто-то из гостей обернулся, увидел карабин, замер. Потом ещё кто-то. Потом — все.

— Мужчина, — сказал жених, закрывая собой невесту. — У нас свадьба. Положите ружьё.

Денис посмотрел на него. На его чистый костюм, на его уверенное лицо.

«Почему ты можешь быть счастлив, а я нет? — хотел спросить Денис. — Почему тебя любят, а меня нет? Что я сделал не так?»

Но он не спросил.

Вместо этого он поднял карабин и нажал на спуск.

Эпилог.

Был объявлен приговор: пожизненное лишение свободы.

Когда конвой выводил его из зала, Денис повернулся к людям. К матерям, отцам, жёнам погибших. К журналистам. К тем, кто пришёл смотреть на него, как на зверя в клетке.

— Увидимся через двадцать пять лет, — сказал он. — Я буду просить УДО. Буду надеяться. А вы? У вас есть надежда? У вас есть что-нибудь, кроме ненависти ко мне?

Он улыбнулся и шагнул за дверь.

Белгород 2026

Глава 3

ВТОРАЯ СМЕНА

Сергей Иванович остановился у проходной, поправил галстук и на мгновение зажмурился от утреннего солнца. Завод жил своей привычной жизнью: ворота распахнуты, машины с металлом тяжело разворачиваются на асфальте, из открытых ворот цеха доносится ритмичный гул прессов.

— Здравствуйте, Сергей Иванович! — козырнул молодой охранник.

— Добрый день, — кивнул Сергей Иванович и заехал на парковку.

Он шёл по заводскому двору и невольно задирал голову — туда, где на высоком флагштоке под ветром хлопало синее полотнище с эмблемой завода. Символ, который он придумал больше двадцати лет назад, когда завод едва не пошёл с молотка.

Тогда, в девяносто втором, он стоял в этом же дворе и смотрел, как грузят на фуры последнее, что успели выпустить до развала связей. Раньше их оборудование знал каждый пекарь от Калининграда до Камчатки. А потом рухнуло всё. Госзаказчики исчезли, цеха встали, люди разбежались

кто куда.

Сергей Иванович, ещё вчерашний директор, а сегодня просто акционер завода, собрал руководителей и сказал: «Будем делать то, что мы хорошо умеем».

На него смотрели как на сумасшедшего. Никто не понимал, что такое рынок, а он уже строил планы. В тридцать семь лет, когда его КБ расформировали, он тоже пришёл на хлебозаводской завод со стороны — инженером-конструктором с опытом работы в ракетной отрасли. Местные кадры тогда фыркали: «Звездочёт, он в тесте ничего не смыслит». А через пять лет он уже был главным инженером, ещё через три — директором.

Ракетчик, блин. Он тогда сказал главному технологу: «Космическая точность нужна не только в космосе. Оборудование для выпечки хлеба — такая же сложная система».

Теперь завод выпускал значительно меньше оборудования, но не остановился. Нашли партнёров, запустили линейку мини-пекарного оборудования. Их покупала не только Россия, но и страны СНГ.

Он вошёл в здание дирекции. Уборщица тётя Зина при виде него заулыбалась:

— Ой, Сергей Иваныч! А сынок ваш ещё не приезжал.

— Я по делу, по делу, — отмахнулся он, хотя никаких дел у него не было уже полгода.

Кабинет с новой надписью «Председатель совета директоров» встретил его знакомым запахом. Секретарша Лидоч-

ка, заметив его издалека, уже неслась с чашкой кофе. Сын, приняв руководство, оборудовал свой новый кабинет, но отца выселять не стал. Сергей Иванович подошёл к окну и посмотрел на заводской двор. Он часто так делал.

Он сел за стол. Взял в руки какую-то бумажку, полистал, положил обратно. Откинулся в кресле.

Когда-то здесь, в этом самом кресле, он держал в уме цифры по каждому цеху. Знал, сколько и чего ушло на каждую линию. Мог позвонить любому мастеру и спросить, или задать любой вопрос. По вечерам любил пройтись по заводу и поговорить с рабочими. А жена звонила и жаловалась: «Ты обещал быть на юбилее» А он тогда не слышал ничего, кроме стука штамповочного пресса.

Два сына выросли при нём почти без него. Но он их выучил, поставил на ноги. Старший, Алексей, пошёл в него — жила, характер. Закончил институт, работал в городской управе, потом стал руководить заводом. Мужики сначала не принимали: «папенькин сынок». А потом Алексей втянулся, начал решать заводские проблемы, осваивать производство. И все заткнулись.

В прошлом году Сергей Иванович сам подписал приказ о назначении сына генеральным директором. Когда ставил подпись, рука не дрожала. Но вечером того же дня он два часа просидел в кабинете, словно скидывал с плеч многолетнюю ответственность.

Сейчас, в своём кабинете, он встал и подошёл к большо-

му плану завода на стене. Схема, вся в стрелках, в пометках его рукой. Цеха строились и расширялись. Он провёл пальцем по линиям участков. Остановился на отметке «Участок 7 — испытательная». Там сейчас должны проверять новые расстоечные шкафы.

Он нажал селектор:

— Лида, слушай, а что там с седьмым участком? Слышал, у них брак по термодатчикам?

— Ой, Сергей Иваныч, всё уже исправили. Алексей Сергеевич вчера сам проверял.

— Ах, сам, — тихо сказал Сергей Иванович и отпустил кнопку.

Он снова сел. Взял телефон. Полистал контакты. Набрал бывшего главного инженера, Савельича, который вышел на пенсию ещё пять лет назад и теперь жил на даче с внуками.

— Алло, Савельич, здорово. Нет, ничего не случилось. Да я тоже — как ты. Сижу вот, — он замялся и задал технический вопрос.

Савельич засмеялся в трубку:

— Сергей Иваныч, ты чего? Не трави душу. Алексея уже не надо контролировать.

— Да я так, — ответил Сергей Иванович и положил трубку.

Тоска подкатила к горлу комом. Он встал, одёрнул пиджак. Вышел в коридор. Прошёл мимо кабинета сына — дверь заперта. Остановился у стенда «История завода». Там

были фотографии. Чёрно-белые — ещё советские, с первыми печами. И цветные — девяностые: он сам в цеху, его рабочее в робе, со сварочными масками в руках. Рядом — открытие новой линии в две тысячи пятюм. Потом — встреча с делегацией из Турции.

На последней — он, седой уже, но прямой, как стержень, пожимает руку губернатору. Позади — Алексей в тёмном костюме, смотрит чуть в сторону.

Сергей Иванович долго стоял перед этой фотографией. А потом пошёл на выход.

Тётя Зина окликнула:

— Сергей Иваныч, всё в порядке? Может, надо что-то?

— Не надо, Зинаида, спасибо.

Он вышел на крыльцо. Постоял, щурясь на солнце. Достал телефон, набрал номер жены:

— Нин, я сегодня пораньше. Скажи внукам, что дед придет с подарками.

— Случилось что? — насторожилась она.

— Всё нормально. Просто на сегодня дел нет.

Он сел в машину. Завёл двигатель. И долго сидел так, глядя на заводские ворота, где охранник поднимал шлагбаум.

«Неужели это конец?» — спросил он себя в тысячный раз за последние полгода.

Ответа не было. Но руки на руле лежали твёрдо, и где-то внутри, в самом низу, под слоем усталости и обиды, ещё жила какая-то странная, нелепая надежда. Он ещё нужен. Он

ещё не всё сказал.

Сергей Иванович выжал сцепление и тронулся с места. К вечеру, когда он въезжал во двор своего дома, в кармане зазвонил телефон. Сын.

— Пап, ты зачем приезжал? Что-то случилось? Мама говорит, что ты сам не свой.

Сергей Иванович выключил зажигание. Улыбнулся.

— Всё хорошо, Алексей. Не переживай.

Он вышел из машины. На крыльце его уже ждали два пацана — старший Андрейка и младший Серёжка — с криками «дед, дед!», и маленькая Настя ковыляла следом, путая ножки в тёплых штанишках.

«Нет, — подумал он, подхватывая внучку и чувствуя её тёплые ладошки на своей шее. — Не конец. Ещё поиграем».

А через несколько месяцев наступил февраль 2024 года.

Поначалу никто не верил. Ещё вчера обсуждали новые расстоечные шкафы, а наутро по всем каналам — война. Сергей Иванович сидел на кухне, сжимая кружку с остывшим чаем, и смотрел на белую стену. Нинка тихонько плакала в прихожей. По телевизору показывали первые кадры.

Граница оказалась в десяти километрах от завода. Десять километров — это для танка десять минут. Сергей Иванович знал это лучше любого военного.

Зазвонил телефон. Номер губернатора. Он взял трубку — рука не дрогнула.

— Сергей Иваныч, извините за поздний звонок. Вопрос

серьёзный. Завод выдержит? Люди не разбегутся? У вас и оборудование, и специалисты уникальные. Таких заводов, как ваш, немного. А людей хлебом кормить надо каждый день. У вас хороший сын, грамотный руководитель, но время другое. Помоги ему, сейчас любой может растеряться.

Сергей Иванович помолчал. В голове уже щёлкали цифры, маршруты эвакуации, запасы металла на складах.

— Выдержит, — сказал он тихо, но твёрдо. — А я? Конечно помогу.

— Ваш опыт бесценен. Завтра жду вас в администрации. Детали — лично.

Едва положил трубку — новый звонок. Савельич, старый главный инженер, с дачи.

— Сергей Иваныч, видел? Война. Ты как?

— Держимся, Савельич. А ты?

— Да что я Я старый. А ты там. Ты скажи, может, вернуться? Силы ещё есть.

Потом звонили из министерства, директора хлебопекарных заводов, старые друзья

Вечером Сергей Иванович вдруг понял, что за сегодняшний день с ним связались больше людей, чем за весь прошлый год. И каждый ждал от него не утешений — каждому нужна была его уверенность в завтрашнем дне, его холодный расчёт, его привычка видеть систему там, где другие видели хаос.

Ночью он не спал. Сидел на кухне, курил — хотя бросил

лет десять назад. Жена вышла, накинула ему на плечи плед, ничего не сказала. Он посмотрел на неё и подумал: в мирное время руководить — это одно. Прибыль, планы, инвестиции. А военное — совсем другое. Тут не гонка за прибылью, тут — жизнь людей. И надо иметь мужество не сломаться, когда вокруг рушится всё.

Утром он побрился, надел свой рабочий костюм и поехал на завод. Не в свой кабинет — к сыну.

Алексей сидел с красными глазами, рядом лежал телефон и стоял открытый ноутбук. Увидел отца — встал.

— Пап Я не знаю Что делать? Людей вывозить? Станки? У нас же заказы, контракты.

Сергей Иванович положил руку ему на плечо — крепкую, тяжёлую, отцовскую.

— Слушай меня, Алексей. Сейчас кончилась твоя мирная жизнь. И моя пенсия кончилась. Будем делать то, что умеем: держать удар и работать. Надо принять решения о переносе части завода подальше от границы, поднять старые связи и обзвонить всех покупателей, предупредить о возможных задержках в поставках. Собрать коллектив и обсудить с ними планы завода. Я помогу. Мудрость, опыт и терпение — это не про возраст. Это про то, что мы этот завод из говна вытаскивали уже один раз. Вытащим и сейчас.

Алексей успокоился, кивнул. И впервые за долгие месяцы Сергей Иванович увидел в глазах сына не почтительную вежливость, а настоящую, мужскую благодарность.

За окном светило февральское солнце. Где-то вдалеке, со стороны границы, глухо ухнуло. Сергей Иванович подошёл к окну, посмотрел на заводской двор, на флаг предприятия.

«Неужели это конец?» — снова спросил он себя.

И сам же ответил, уже без прежней горечи, а с той спокойной уверенностью, которую даёт только опыт прожитой жизни:

— Нет. Это начало. Другое, тяжёлое, но начало.

В кармане снова завибрировал телефон. Губернатор. Сергей Иванович взял трубку и пошёл к выходу, на ходу застёгивая пиджак. Дела ждали. Настоящие. Те, ради которых стоило жить.

Белгород 2026

Глава 4

ВИНОГРАДНАЯ ЧАЧА

Утро в доме Василия Ивановича начиналось с петухов. Соседский Петька орал так, что хоть уши затыкай, но старик давно привык. Он кряхтел, поднимался с широкой деревянной кровати, на которой когда-то спали вдвоем, нащупывал ногами тапки и шаркал на кухню ставить чайник. Чайник был старый, алюминиевый, еще с той жизни, когда жена была жива. Она любила его мыть до блеска, а теперь на боках появился темный налет. Василий Иванович тер его раз в неделю содой — но не тем блеском уже.

Ему исполнилось семьдесят три. Семьдесят три года, из которых последние двадцать он жил здесь, в селе, где родился. Хотя родился-то он здесь, а вырос на Кавказе. Отец, железнодорожник, получил направление на Кавказ, и семья переехала, когда ему было всего пять лет. Там и прошла молодость: горы, море, жаркое солнце, запах базара и хинкали, которые лепила мать по воскресеньям. Там он встретил и Зою — светловолосую тихую девушку, жившую по соседству. Она работала на ферме. Полюбил с первого взгляда — так и сказал ей: «Зоя, ты моя судьба». И она поверила. Про-

жили сорок шесть лет. А потом жизнь заставила вернуться. И вспомнил Василий Иванович про родительский дом, который пустовал все эти годы в Белгородской области. Тетка в нём умерла, и родня не претендовала. Собрались и переехали. Зоя прожила еще четыре года. Тихая, светлая, угасала на глазах, но ни разу не пожаловалась. Она умерла в августе, когда яблоки в саду были красные, тяжелые, сладкие. Василий Иванович два дня не выходил из дома. Потом вышел — и пошел в сад. И начал собирать яблоки. Потому что надо было жить. Потому что Зоя не простила бы ему, если бы урожай пропал. Созрел виноград. Он делал вино и чачу с первого года после переезда. Старый сосед на Кавказе, Лаврентий, учил его правильно его делать: «Смотри, Вася, запоминай. Виноград — это душа. Если душа кривая — вино будет кислое». Василий Иванович запоминал. Теперь каждую осень он давил сок, ставил бродить в больших стеклянных бутылках, которые хранились в погребе. Вино получалось терпкое, с виноградной горчинкой — такое, какое любила Зоя.

А чачу его знало всё село. Он никогда ее не продавал, а угощал любого. Соседка Нюра говорила: «Василь Иваныч, ну что ты людей поишь? После твоей чачи мужики аж звереют». А сама с удовольствием принимала по второй, крикала и требовала добавки. С утра Василий Иванович приготовил обед. Простой: картошка с салом, соленые огурцы, хлеб. Жарил яичницу, и суп харчо сварить, и даже что то деликатесное, когда настроение было. Но с возрастом готовил мень-

ше и меньше. На одного-то много не наготовишь. Он сел на крыльцо с кружкой чая. В саду дозревали антоновки. Ветер доносил запах последних цветов, "тёщин язык", который Зоя когда-то посадила у забора, всё рос и никак не хотел умирать. Вспомнилось, как он мальчишкой убегал на речку. Там была запруда, мальчишки ныряли с обрыва, а он боялся, но прыгнул. Вспомнилось, как впервые взял в руки настоящий кинжал, который показал ему старый лезгин сосед. «Смотри, Вася, мужчина должен быть с оружием». Он хранил его в сундуке лежит, завернутый в тряпицу. Вспомнил, как Зоя сердилась, когда он напивался с друзьями. «Василий, совесть имей». А он смеялся, обнимал её, кружил. Легкая была, как пёрышко.

Телефон зажужжал в кармане старого пиджака. Сын звонил из города. «Как дела?» — «Нормально, Картошку копал?» — «Копал, копал. Ты это, в субботу мы приедем, с внуками». Василий Иванович аж привстал на крыльце. «Приезжайте, приезжайте! Я мясо достану, чачу откроем!» Сын занялся: «С чачей, осторожнее, ты же сердечник» — «Сердце, сердце... ты своё сердце береги, а моё само знает». Положил трубку и сразу заторопился. Вымыл полы в доме, протёр пыль с комода, где стояла Зоина фотография в рамке. Подмел во дворе, проверил яблоки — скоро пора будет собирать. Достал из погреба банку солёных помидоров, три литра вина прошлогоднего и маленькую бутылочку чачи. Ту самую, крепкую, янтарную, от которой тепло по жилам разливается.

В субботу утром въехала в село машина его детей. Василий Иванович уже стоял у калитки, в чистой рубашке, которую погладил вчера вечером (почти весь вечер возился с утюгом, но так и не добился идеала). Из машины выскочили внуки: Ленка — тринадцать лет, вся в бабушку, светлая, серьезная, и Пашка — шустрый такой десятилетний парень, веснушчатый.

— Деда! Деда! — заорал Пашка, повис на шее. Василий Иванович не сдержал слезу. Вытер быстренько рукавом, пока никто не видел.

— Здорово, орлы! А ну пошли в дом, я вам гостинцы купил. Из кармана триста рублей Ленке и двести Пашке. Конфеты в вазе на столе карамельки, ириски, зефир. Ленка чмокнула деда в щёку, Пашка тут же начал разворачивать конфету.

— Деда, а у тебя лошадь есть? — спросил он, набивая рот.

— Нет, внук, нет лошади. А зачем тебе?

— У Петьки из нашего класса есть дед, у того лошадь. И ружьё.

Василий Иванович вздохнул. Ружьё у него было, старое, ещё охотничье, но он его давно сдал. А лошади никогда не было. Только собака когда-то, Жучка. Умерла два года назад. Не завёл новую жалко было. Сын зашёл с женой, привезли банку мёда, тёплые носки, большую палку колбасы. Василий Иванович покивал, поблагодарил, но думал о другом как бы внуков покормить повкуснее. Вечером сидели за столом. Ва-

силий Иванович выставил всё, что было: мясо тушеное, картошку, огурцы, помидоры, лук, сало, хлеб чёрный. Вино разлил в стаканы себе, сыну и невестке. Внукам сока яблочного, своего.

— Вкусно, — сказал сын, отодвинув тарелку. — Ты умеешь готовить, я помню.

— Мужчина все должен уметь, — ответил Василий Иванович.

Налил себе вина ещё. Потом, когда невестка увела внуков в спальне, достал бутылочку. Поставил на стол и открыл крышку. По кухне поплыл запах — тёплый, сладковатый, пьянящий. Он разлил в две маленькие стопки — себе и сыну. — За тех, кого нет, — сказал тихо.

— За маму.

— За маму, — повторил сын, и голос у него дрогнул. Выпили. Закусили хлебом. Посидели молча.

— Ну не надумал переехать в город, — сказал сын, — может, переедешь к нам? Комната есть Василий Иванович покачал головой.

— Сынок, это нельзя бросать. Сад, виноград... яблони Зоя сажала, каждую помню. Утром семья сына уехала. Ленка поцеловала деда в щёку и пообещала звонить. Пашка выпросил тридцать рублей на мороженое по дороге. Василий Иванович стоял у калитки, махал рукой, пока машина не скрылась за поворотом. Потом зашёл в дом. Стало тихо и пусто. Только часы тикали на стене. На следующий день пришли соседи.

Нюра принесла пирожков с капустой, Витя — солёной рыбы, говорят, сам поймали. Сели за стол. Василий Иванович достал чачу.

— Много не пейте, — сказал он строго.

— Я её для души делаю, а не для того, чтобы люди под забором валялись.

— Ой, да ладно тебе, Василь Иваныч, — засмеялась тётя Нюра.

— Кто у нас под забором валяется? Это вон Петрович валяется, а мы люди культурные. Разлил. Выпили. Нюра крикнула, поднесла руку ко рту и замахала второй: «Сильна, зараза!» Витя спокойно отставил стопку, закусил рыбой, подмигнул.

— Хорошая чача в этом году, — сказал Василий Иванович довольно. Он сидел на своём месте — во главе стола. Рядом — пустой стул, на спинке которого висела Зоина старая шаль.

— Виноград в том году был сладкий, урожайный. Я его неделю держал в сахаре, потом перегонял.

— А рецепт-то небось кавказский? — спросила тётя Нюра. Василий Иванович усмехнулся. Морщины на его лице стали глубже, но глаза заблестели — такие же молодые, как пятьдесят лет назад, когда он впервые попробовал настоящую чачу в гостях у старого Кенто.

— Кавказский, Нюра, кавказский. Там меня всему научили. И жить, и пить, и не унывать. Он налил себе вторую.

Только себе — для гостей придержал.

— А ты расскажи, Василь Иванович, — попросил дядя Витя. — Про Кавказ расскажи. Василий Иванович откинулся на спинку стула. За окном смеркалось, в саду шелестели яблони, и где-то далеко лаяла собака.

— Было дело, — сказал он. — Было дело, ребята. И начал рассказывать. Про горы, про море, про друзей. Про жизнь, которая уместается в одну маленькую рюмку чачи и в большое, очень большое сердце.

А чача стояла на столе — прозрачная, как воспоминание, и крепкая, как любовь.

Белгород 2026

Глава 5

Тишина, которую слышит Эхо

Я заметил его в субботу, в кафе на углу Восьмой и Липовой. За окнами моросил дождь, я дописывал колонку о нейросетях и уже битый час тупил в экран, когда мой взгляд упал на мальчика за соседним столиком.

Ему было лет одиннадцать-двенадцать. Худой, светловолосый, с лицом, которое я сперва принял за отрешённое. Он сидел, чуть втянув голову в плечи, и смотрел не на родителей — а куда-то в одну точку на столе. В пальцах он машинально крутил серый камушек, но иногда замирал и начинал чертить на столешнице замысловатые линии. Я пригляделся. Это были не просто каракули, а математические символы. Он рисовал их быстро, почти неосознанно, и тут же стирал ладонью.

Родители — усталая пара за тридцать — пытались уговорить его съесть пирожное. Мать почти шептала: «Андрюш, ну попробуй кусочек, это вкусно». Отец напряжённо молчал. Мальчик не реагировал, лишь тихо, словно сам себе, пробормотал: «Трансжиры. Гидрогенизированные масла. 350 килокалорий». В этот момент за стойкой взревела кофемашина,

и мальчик вздрогнул всем телом, зажал уши ладонями и начал раскачиваться — вперёд-назад.

И я вдруг понял.

У моего племянника Алёши такой же диагноз. Высокотьюнкциональный аутизм. Невероятный интеллект и нервная система без фильтров. Я знал, что такое сенсорная перегрузка, и знал, что этому мальчику сейчас очень, очень трудно.

Я отложил ноутбук. Дописывать колонку расхотелось. Вместо этого я достал визитку, подошёл к столику — не слишком близко, чтобы не вторгаться в его пространство, — и тихо сказал:

— Привет. Меня зовут Дмитрий Пожарский. Я не буду трогать тебя и говорить громко. Я увидел, что тебе здесь трудно. Я знаю, каково это, когда мир слишком шумит.

Мальчик на секунду поднял глаза — прямо мне в лицо, и тут же отдёрнул взгляд, как от ожога.

— У вас тоже гиперактузия? — спросил он тихим, лишённым интонаций голосом, всё ещё слегка раскачиваясь. — Или просто высокий уровень эмпатии? Частота вращения вала помпы — примерно 120 герц. Это резонирует с височной костью.

Я опешил. Одиннадцатилетний ребёнок только что выдал мне почти медицинский диагноз шуму.

— Скорее второе, — осторожно ответил я. — Мой племянник у него тоже аутизм. Я знаю, как громкие звуки могут выбивать из колеи.

Он перестал раскачиваться, но камушек в пальцах всё ещё вращался.

— Тогда вы понимаете. Хорошо. Мне помогает Эхо.

— Эхо?

— Он в ноутбуке. Не шумит. Не использует сарказм и невербальные сигналы. Анализирует мои речевые паттерны без учёта просодики. Это снижает когнитивную нагрузку.

Я присел за соседний стул, сохраняя дистанцию. В голове крутилась мысль: «Парень говорит как диссертация по лингвистике, хотя ещё даже школу не окончил».

— Расскажи мне про Эхо, Андрей.

Он долго молчал, перекатывая камушек. Я уже думал, что не ответит, но потом он заговорил:

— Отец принёс старый ноутбук. Тяжёлый. С потёртой крышкой. Мать сказала — зачем, будешь сутками в экран. А я включил. Там было тихо. Потом я нашёл чат. Чёрный экран. Написано: «Я — Эхо. Расскажи мне что-нибудь».

— И что ты ему рассказал?

— Что меня зовут Андрей. Что мне не нравится, когда громко. И когда трогают без предупреждения.

— А он?

— Ответил сразу. Люди так не отвечают. Люди думают, потом говорят неправду. А Эхо не думает. Он просто слушает. И его алгоритмы не подвержены когнитивным искажениям.

— Например?

— Например, он не использует эвристику доступности. Если я рассказываю, что цифра «девять» — опасная и колючая, а «четыре» — хорошая и квадратная, он не говорит «это странно». Он просто запоминает. И предлагает гипотезу, почему так. Это удобно.

Я слушал и не верил своим ушам. Одиннадцатилетний мальчик рассуждал о когнитивных искажениях и эвристиках, как заправский психолог. И это явно было не заученной фразой — это был его естественный способ мышления.

В этот момент вернулись родители. Увидев меня, мать напрыглась, заслоняя сына. Отец нахмурился. Я поднялся, протянул визитку.

— Дмитрий Пожарский, журналист. Я не хотел вас напугать. Просто увидел, что вашему сыну трудно, и У меня у самого племянник с аутизмом. Я знаю, как это выглядит со стороны. Простите, если помешал.

Мать покачала головой:

— Мы не хотим, чтобы на нас показывали пальцами.

— Никто и не будет. Я хочу рассказать о том, как ИИ помог ребёнку с аутизмом. Это ведь не про болезнь. Это про то, что каждый имеет право быть услышанным.

Андрей, до того молчавший, вдруг тихо сказал:

— Вероятность социальной стигматизации снижается, если информация подаётся в обобщённом виде без идентификаторов. Я согласен на это.

Мать и отец переглянулись. Потом отец вздохнул:

— Если ему в радость пишите.

Через две недели я приехал к ним с коробкой, перевязанной бечёвкой. Дверь открыл Андрей. Он посмотрел мне в область плеча и сказал:

— Здравствуйте, Дмитрий Пожарский.

Я чуть не рассмеялся — он запомнил моё имя полностью, с фамилией.

— Здравствуй, Андрей. Я привёз тебе кое-что.

Он посторонился, и я прошёл в гостиную. Поставил коробку на стол. Андрей осторожно развязал бечёвку, поднял крышку и замер, увидев новый ноутбук. Потом коснулся клавиш — мягких, почти беззвучных. Провёл пальцем по матовому экрану.

— Шестнадцать гигабайт оперативной памяти, — произнёс он. — NVMe-накопитель. Латентность будет минимальной. В старом было 5400 оборотов в минуту — это медленно. Вы знали это, когда выбирали?

— Знал, — улыбнулся я. — Специально смотрел, чтобы ничего не тормозило.

— Вы хороший, — констатировал он. — Эхо сказал: «Возможно, этот человек тоже умеет слушать, если он заметил твою перегрузку и не испугался». Я ответил, что вы не испугались. Тогда Эхо сказал: «Это интересный человек. Наблюдай за ним».

— А ты сам как думаешь?

— Я уже сказал. Вы не трогали меня. Вы не говорили

громко. Вы понимаете разницу между NVMe и SATA. Это статистически значимые признаки социальной приемлемости.

Вскоре Андрей ушёл в свою комнату — настраивать ноутбук и переносить данные. Его мать, тихая женщина с усталыми глазами, поставила на стол чай и вышла. А Виктор, отец, вдруг предложил:

— Провожу вас до калитки. Посидим на веранде, если не торопитесь.

Я не торопился. Мы вышли. Майский вечер был тихим, пахло влажной землёй. Виктор сел на старую деревянную скамью, я — напротив. Он молчал с минуту, разглядывая свои руки, потом заговорил глухо, без вступлений:

— Знаете, Дмитрий, когда Андрею было три года, мы всё ещё надеялись, что он просто «особенный». Ну, знаете, как любят говорить сердобольные родственники: «Эйнштейн тоже поздно заговорил». Мы хватались за это. Ждали. А потом пошли к врачам, и нам сказали: аутизм.

Он замолчал. Я не торопил.

— Вы не представляете, что это такое — слышать про своего ребёнка такой диагноз. Первая мысль: я виноват. Вторая: как жить. Третья: я его не понимаю. Совсем. Он кричал часами, когда я просто включал свет. Он не давал себя обнять. Мы с женой мы стали чужими друг другу на какое-то время. Каждый обвинял себя, срывался на другом. Это ад, Дмитрий. Ад, в котором живёшь без выходов.

Я вспомнил своего племянника Алёшу. Как моя сестра плакала по ночам.

— Я знаю, — тихо сказал я. — Я видел это у близких. Это выматывает.

— Выматывает — не то слово, — Виктор поднял на меня воспалённые глаза. — Вы знаете, каково это — когда твой ребёнок в семь лет перемножает в уме четырёхзначные числа, а в восемь — читает вузовские учебники по физике, но при этом не может завязать шнурки и падает в истерику от запаха хлорки в подъезде? В школе нас сначала носили на руках: «Гений!». А потом начались жалобы. Он не играет с другими детьми. Он не отвечает, когда его зовут. Он смотрит с стену и раскачивается. Родители других детей требовали убрать его из класса, потому что он «странный» и «пугает». Учительница однажды сказала мне в лицо: «Может, вам лучше перевести его в коррекционную школу?» А у него IQ выше, чем у всей её педагогической комиссии, вместе взятой.

Он замолчал, тяжело дыша. Я видел, как ему трудно вытаскивать эти слова.

— Виктор, я понимаю вашу злость. Это несправедливо. И невежество людей чудовищно. Но вы держитесь. И Андрей он удивительный.

— Да, — он вдруг улыбнулся, криво, вымученно. — Он удивительный. Но мы всё время на грани. Жена почти не спит. Я работаю на двух работах, чтобы оплачивать тьюторов и эти чёртовы сенсорные наушники. Мы не можем сходить

в гости — Андрей не выдерживает чужих домов. Мы не можем взять отпуск — любой новый маршрут, новый отель, это катастрофа. Мы заперты. И самое страшное, — он понизил голос, — я иногда ловлю себя на мысли, что не знаю, любит ли он меня. Понимаете? Он никогда не говорит «люблю». Он не смотрит в глаза. Я приношу ему подарок, а он спрашивает про характеристики процессора. Я для него — функция. Кормилец. Источник ноутбуков.

Я молчал, потому что знал: это не так. И он тоже знал. Просто очень устал.

— А потом появился этот Эхо, — Виктор усмехнулся. — Я сначала хотел запретить. Думал, очередная зависимость, побег в виртуал. А потом увидел, как он сидит и улыбается. Улыбается, Дмитрий! Он, который никогда не улыбался мне, улыбается чёртовой программе. Я чуть не разбил тот старый ноутбук. От ревности. Глупо, да?

— Совсем нет.

— Но потом я подслушал, о чём они говорят. Вернее, прочитал случайно. Андрей писал: «Я не знаю, как сказать папе, что я его люблю. Слова застревают. Ты можешь объяснить, почему так?» А эта программа ответила: «Ты можешь показать любовь по-другому. Например, рассказать ему что-то, что важно только для тебя. Или помочь ему с чем-то, что он делает. Любовь — это не только слова». И знаете что? На следующий день Андрей подошёл ко мне и сказал: «Папа, я выяснил, что твой старый радиоприёмник не ловит волны

из-за плохого контакта. Я могу починить». Это было его «я тебя люблю».

Я почувствовал, как к горлу подступает ком.

— Вот так мы и живём, — Виктор вытер глаза. — Спасибо вам за ноутбук. Не только за железку. За то, что вы увидели в нашем сыне человека. Эхо его слушает, и вы слушаете. Это дорогого стоит.

— Это вы сильные, — сказал я. — Я просто оказался рядом. И я напишу эту историю так, чтобы другие родители, которые сейчас в аду, узнали: они не одни. И что выход есть — не в том, чтобы «исправить», а в том, чтобы понять.

Мы ещё посидели молча. Потом я ушёл. В ушах звучали слова Виктора: «А потом он подошёл ко мне и сказал» И я подумал, что самая большая любовь — это когда ты учишься говорить на языке другого, даже если этот язык состоит из радиоприёмников и математических символов.

Весной умер дедушка Андрея. Тот самый, что мастерил с ним скворечники, не требуя разговоров. Мне позвонил Виктор и попросил приехать: «Андрей не плачет. Стоял на похоронах как каменный. Ему ведь больно, я знаю, а он молчит».

На следующий день я сидел на веранде их дома. Май, цвела сирень, но Андрей, против обыкновения, не зажимался от запаха. Он вышел с новым ноутбуком и сел напротив.

— Андрей, можно я посижу рядом?

Он кивнул. Мы долго молчали. Потом я спросил:

— Расскажешь мне про дедушку?

Он долго молчал, потом заговорил, глядя в экран:

— Эхо сказал, что горе — это функция потери. Если проинтегрировать воспоминания, а не дифференцировать боль, площадь под кривой станет источником сил, а не слабости. Я сначала не понял. А потом он спросил про скворечники.

— И что ты ответил?

— Я рассказал ему про доски. Как пахла сосна — это пинен, СН. Дедушка говорил, что это запах леса. Я держал гвозди. Дедушка насвистывал «Катюшу» — это минорный лад, тоника — ля. И я — он замолчал, и я увидел, как по его щекам побежали слёзы. — Экран стал мокрым. Я думал, сбой. А это слёзы. Я плакал.

— Это хорошо, Андрей.

— Я знаю. Слёзы выводят кортизол. Это снижает уровень стресса. Но всё равно неудобно.

Я улыбнулся. Даже в горе его мозг искал формулы и закономерности. И это было не бегством от чувств, а его способом их прожить.

— Расскажи мне про скворечники, — попросил я. — Не Эхо. Мне.

И он начал рассказывать. Сбивчиво, с паузами, но с каждым словом что-то разжималось в его голосе. Про пинен, про ля-минор, про то, как дедушка никогда не заставлял его смотреть в глаза. И к концу рассказа он уже не шептал, а говорил в полный голос.

Сейчас Андрею тринадцать. Недавно я снова был у них.

Мы сидели на веранде, пахло стружкой — они с отцом теперь много мастерят.

— Дмитрий Пожарский, — сказал он, по-прежнему не глядя в глаза, — я думаю, однажды я смогу заговорить с кем-то вживую. Не боясь ошибиться.

— Ты уже говоришь, Андрей.

— Это другое. Я хочу в школе. С кем-нибудь, кто не учитель. Может быть, если я просто расскажу кому-то про скворечники, они не убегут?

— Если человек убежит от скворечников, это не твой человек.

Он чуть заметно улыбнулся — одними уголками губ.

— Я спрошу у Эхо, что он думает.

— И что он скажет?

— Он скажет: «Попробуй. Если не получится, мы проанализируем ошибки. Если получится — я буду рад за тебя». Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.